

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ГИРИ НА НОГАХ ПРОГРЕССА

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории, г. Москва, Россия
Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории,
Тверь, Россия

Автор анализирует причины, в силу которых все исторически известные попытки модернизации в России заканчивались провалом. Показано, что патерналистские основы российской экономики предполагают застойный тип изолированного хозяйственного существования. Однако в условиях внешней угрозы российская власть вынуждена была предпринимать усилия для овладения западными технологиями. Такой противоестественный тип управления экономикой мог дать лишь кратковременный эффект. В результате государство вынуждено было вновь прибегать к мобилизационным усилиям. При этом не учитывалось, что настоящая модернизация предполагает первостепенное внимание к социальной, а не экономической сфере. Для успеха модернизации необходимо выработать инновационный тип общественного сознания, противостоящий тяготению к патернализму.

Ключевые слова: Россия, догоняющее развитие, модернизация, инновации, стагнация, мобилизация.

Шумные споры о путях модернизации в России неожиданно прекратились, отечественные авторы так и не выработали даже подобия консенсуса относительно самого понятия. Впрочем, нечто подобное было не только у нас.

Модернизацию понимали по-разному¹: и как чисто экономический прорыв, и как общий прогресс под воздействием соответствующих культурных изменений², образцом которого является западное общество. Хотя давно признано, что подобные подходы обнаружили свою ограниченность³, серьезные исследователи принялись доказывать, что модернизация – это не стандартная схема перехода от традиционного общества к представительской демократии и рыночной экономике⁴, а широкий спектр системных дей-

¹ Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N.Y., 1973. P. 268–284.

² Sjoberg G. Folk and “Feudal” Societies // Political Development and Social Change / Ed. by J.L. Finkle and R.W. Gable. N.Y.; L. 1966. P. 52–53.

³ См.: McLelland D. C. The Achieving Society. Princeton, 1961; Hagen E. E. On the theory of Social Change // How Economic Growth Begins. Homewood, 1962.

⁴ См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.

ствий⁵, в России в понятие модернизации по-прежнему вкладывают ограниченный смысл: достижение эффективной, конкурентоспособной экономики за счёт новейших технологий. Строго говоря, такое понимание модернизации утопично и фантазийно: расчёт делается не на человека, действующего «инновационно», а на неведомые силы, способные осуществлять прогресс *за него*. Налицо отголоски патерналистской скованности не только массового, но и «научного» сознания.

Обычно начало российской модернизации относят к эпохе Великих реформ XIX в. Это не совсем точно. Попытки своего рода модернизации России предпринимались ещё до Петра I. Как правило, они были нацелены на усиление оборонной мощи империи, ориентированы на ближайший успех и осуществлялись волюнтаристскими методами. Заинтересованность населения в нововведениях не учитывалась. В любом случае это были попытки «модернизировать» *государство, управление* подданными, а не социальное пространство – только последнее могло обеспечить необратимость любых инноваций. Как итог, предпринимаемые усилия не только не приносили устойчивого результата, но и оборачивались болезненными, в том числе революционными, срывами подобных государственных квази/модернизационных усилий (см. подробнее: В. П. Булдаков. Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоём? // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 15–26).

По современным понятиям успешная модернизация должна увенчаться не только созданием гражданского общества, но и появлением креативного класса, обеспечивающего непрерывность инновационных изменений. К сожалению, в современной России модернизация, как и ранее, понимается по преимуществу как технологическое обновление экономики и соответственно достижение более эффективного управления. Не учитывается, что этого невозможно достичь без качественного изменения всей культурной среды. В связи с этим требуется не только анализ *ошибок* власти, связанных с недооценкой социокультурного сопротивления низов, но и отношения последних ко всяким *изменениям* вообще.

Разумеется, анализировать модернизационные процессы в России на протяжении *всей* её истории непродуктивно по причине темпоральной изменчивости понятия и соответственно туманности объекта исследования. Так, применительно ко второй половине XIX в. невозможно даже разделить стихийное и сознательное в объективно происходящих инновационных процессах. Исходя из этого, предлагается анализ причин неудач модернизации в условиях, когда потребность в ней была особенно велика. Соответственно этой задаче анализируются процессы, связанные с системным кризисом начала XX в.

Успешный модернизационный процесс подспудно связан с эволюционным прогрессом экономики. Напротив, всякий застой рано или поздно

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu, pod red. L. Kharrisona i S. Khantingtona, M., 2002.

⁵ Гудков Л. Д. Abortивная модернизация. М., 2011. С. 377.

Gudkov L. D., *Abortivnaya modernizatsiya*, M., 2011, S. 377.

оборачивается против системы, которая не выдерживает хозяйственной конкуренции с ближайшим своим окружением. По этой причине в России в начале XX в. системный кризис обернулся развалом империи, который был выдан за невиданную в мире по своей «прогрессивности» революцию. В известном смысле это был апофеоз (или агония) «прогрессистской» (революционной) политической мысли, а вместе с тем и всей эпохи Просвещения.

Всякий системный кризис означает не просто развал, распад и откат назад, но и возникновение острой психосоциальной потребности в его преодолении на качественно новой социокультурной базе. Но в России синергетика обновления системы то ли не проявила себя, то ли не была использована. Возникает вопрос: почему?

Некоторые исследователи не устают сетовать на слабость цивилизационного наследия России или ущербность воспринятого византийского пути развития. (Это впрочем, не мешает горделиво вспоминать про Третий Рим). Но, как известно, всяким наследием не столь легко эффективно воспользоваться, но зато не сложно его промотать. Заимствования эффективно работают только в соответственно подготовленной социокультурной среде.

Строго говоря, всем народам пришлось начинать с нуля в смысле социокультурной подготовленности к модернизации. А потому бессмысленно жаловаться на недостаток «цивилизованности» в России, следует понять, с чем это было связано и можно ли было это преодолеть. Важно понять, каковы были объективные потребности в тех или иных инновациях, какова была степень осознания их необходимости управленческими структурами и элитами, каковы были особенности восприятия их в массе населения. Для этого требуется прежде всего анализ субъективных представлений о потребностях и задачах модернизации. Только на этом основании можно составить адекватное представление как о реальных масштабах и параметрах модернизационных задач в России, так и психосоциальных возможностях их реализации.

Порой все цивилизационные «несчастья» России связывают с обширностью ее территорий. Отчасти это верно. Но верно и то, что безграничность пространств и ресурсов может стать подарком исторической судьбы. Вместо сетований на природное изобилие следовало бы разумно им пользоваться.

Нет сомнения, что в России утвердился экстенсивный тип развития ещё до того, как она взяла за образец византийско-православную систему. В основе его лежало «мигрирующее земледелие», стимулирующее коллективный способ хозяйствования и исключавшее необходимость интенсификации производства на ограниченной территории. Кроме того, появление производственно-торговых анклавов на российских сухопутных пространствах было делом сомнительным. В любом случае слабые транспортные возможности, связанные как с обширностью территорий, так с относительной недостаточностью водных путей (не говоря уже о сезонных трудностях передвижения), делали бесполезным всякий продовольственный избыток. Сложилась система, а вместе с тем и психология анклавного *стабильного существования*, исключаящего риски инновационного развития. Активного творческого взаимодействия также не складывалось, а власть виделась снизу

хозяйственно чуждым элементом. Монгольское завоевание «помогло» российской власти, утвердив «маршрутный» способ овладения пространством. Вслед за тем законсервировалась система «внешнего» силового управления, парализующая инициативу снизу. С известным допущением можно сказать, что византийско-православная государственность обрела неадекватную ей монгольско-кочевническую систему управления, причем со временем место баскака занял другой «чужак» – немец-бюрократ. В свою очередь, вотчинно-поместная система хозяйствования также предполагала скорее экстенсификацию, нежели интенсификацию производства: внутренней потребности в последней не возникало. В общем, допускался лишь примитивно-мобилизационный способ увеличения производства. В результате в русском крестьянстве утвердился *общинный* природно-потребительский тип хозяйствования, всякий раз сдерживавший инновационные порывы, но зато периодически генерирующий недовольство внешней «эксплуатацией».

На это наложился ещё один фактор. На протяжении многих веков власть контролировала незначительную часть совокупного прибавочного продукта (превратить его в общенародное достояние было невозможно в силу недостаточности коммуникаций). А между тем господство над необъятными территориями требовало концентрации в руках государства весьма значительных «свободных» средств. В поисках выхода из положения власть постаралась совместить пространство территории с пространством населения с помощью института крепостничества – насильственного патернализма, исключавшего свободное индивидуальное творчество (точнее, допускавшее его подобие лишь по указанию сверху).

Так возникла «идеология» Домостроя, по-своему подкрепившая народную утопию «социальной Правды»⁶. Главными его принципами стало такое отношение к труду и богатству, которое обеспечивало стабильность замкнутого, в идеале самодостаточного, хозяйства. Всякому коммерческому накоплению противостояла идея разумного достатка за счёт собственного труда и самоограничения потребностей. Этому сопутствовало отрицательное отношение к добыванию денег как самодовлеющей цели, негативное отношение к несправедливой эксплуатации и тем более к ростовщическому проценту. Внешне это похоже на приближение к нравственному идеалу. Но «идеальное» слишком часто противостоит «рациональному». Идеал в принципе недостижим, тогда как прогресс неизбежен как способ выживания в постоянно меняющемся мире.

Впрочем, всё это в России так или иначе создавалось. Со времён П. Я. Чаадаева было известно, что на её отставание повлияли такие факторы, как география, православие, крепостное право, отсутствие потребности в культурной преемственности и связи времен, социальный патернализм, патриархальность быта, наконец, политический произвол. В свою очередь, И. А. Ильин полагал, что россиянин был исторически «переобременен». Над ним тяготело «бремя пространства», которое следовало «замирить силой оружия и государ-

⁶ Клубанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 12.

Klibanov A. I., *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii*, M., 1977, S. 12.

ственной власти». Называл он, конечно, «бремя природы», имея в виду климатический фактор. Наконец вспоминал и «бремя народности», связанное с полиэтничностью осваиваемого пространства⁷. Со всем этим можно согласиться – внешняя «весомость» критериев делает их гипотетически действенными. Но нельзя забывать, что для подтверждения своей убежденности человек всегда отыщет массу причин, причем этому помогут соответствующие депо исторической памяти. Последняя «коварна», ибо складывается из «вдохновляющих» агрегированных *представлений*, а не критического анализа прошлого.

К тому же россиянину, вынужденному двигаться «вширь» по пространствам Евразии, всегда недоставало *самодисциплинирующего* начала – отсюда и множественные «домостроительные» предписания. Однако государственно-религиозное «дисциплинирующее» насилие никогда не носило планомерного характера, способствующего тотальному форматированию социального пространства. Между тем, всякие цивилизационные достижения связаны с уровнем социальной дисциплины (лишь поначалу насаждаемой сверху!), складывающейся в определенное социокультурное единство, а вовсе не уникальной интеллектуальной одаренностью населения. Именно в отформатированном социальном пространстве новые технологии ведут к тотальности модернизационных процессов.

Разумеется, антимодернизационную роль сыграла и российская автаркия. Между тем только кросскультурные контакты превращают человека традиционного общества, стеноженному социально-нормативным контролем в «разумного» индивидуалиста, способного к модернизации своего окружения⁸. Нельзя не заметить, что избавление от автаркии создает условия для «эпидемии подражательства» отнюдь небесполезной в инновационном отношении. Всякая историческая слабость может обернуться грядущим преимуществом (пример Японии или «азиатских тигров»).

Принято считать, что развитие капитализма связано с протестантской этикой (Макс Вебер), а равно и апологией богатства времен Ренессанса и Реформации⁹. Это верно лишь для Европы. Так, японский модернизационный рывок был связан с традицией самурайской «нерыночной» социотехнологизации первичных социумов¹⁰. Во всяком случае, для модернизации важен не только особый дух, но и *тот или иной* способ форматирования социальной среды. Низшие уровни организации создают предпосылки для *рационализации*, последняя, закрепившись на бытовом уровне, становится невидимым двигателем *технологизации*

⁷ Ильин И. А. Основы христианской культуры. СПб., 2004. С. 428–429.

Ильин И. А., *Osnovy khristianskoi kul'tury*, SPb., 2004, S. 428–429.

⁸ См.: McLelland D. C. *The Achieving Society*. Princeton, 1961; Hagen E.E. *On the theory of Social Change // How Economic Growth Begins*. Homewood, 1962.

⁹ Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М., 2011. С. 7.

Vasil'ev L. S., *Modernizatsiya kak istoricheskii fenomen (o general'nykh zakonomenostyakh evolyutsii)*, М., 2011, S. 7.

¹⁰ Murakami Ya. *Modernization in Term of Integration: the Case of Japan // Eisenstadt S. N. (ed.) Patterns of Modernity. V. 2: Beyond the West*. N.Y.; P. 65–88.

– причём не только производства. Разумеется, это само по себе еще не обеспечивает инновационного развития. Но этим создается устойчивая социальная предрасположенность для технологических заимствований, что принципиально важно на раннем этапе модернизации.

На трудностях модернизации сказывался и религиозный фактор. Не приходится сомневаться, что в деле поощрения хозяйственной оборотистости православие, сконцентрированное на божественном «в ущерб» человеческому, заметно отличается от католицизма, не говоря уже о протестантизме. Но дело вовсе не в психологии нестяжательства, имплицитно пронизывающую православную культуру. Старообрядцы обнаружили завидную способность к предпринимательству. Это связано вовсе не с верой, а с их внутренней организацией, основанной на относительной изолированности от официальной идеологии.

Конечно, в России (и не только) решающую роль в модернизационных процессах могла сыграть государственность. Но особенности ее складывания в России привели к тому, что власть признавала только один «авторитет» – божественный, что не могло не привести к перманентному самовосхвалению. При этом власть, изначально не доверяя собственному населению, всякий раз предпочитала наемников доморощенным управленцам. В известной мере этот феномен является общим для определенной стадии развития всех европейских народов. Но в России практика насаждения «нукеров прогресса» упрочилась настолько, что власть стала предпочитать иностранные заимствования развитию собственных производств. Это также негативно сказалось на промышленном прогрессе.

Тот факт, что государство привыкло само задавать характер экономического развития, понимая его в *мобилизационной*, а не в модернизационной парадигме, привело к тотальному деформированию представлений о возможностях движения вперед. По существу в России оказалась элиминирована гражданская идеология модернизации. Преобладает этатистский ее дискурс¹¹, причем всякие разговоры о модернизации ведут в стилистике «надо», «следует», «должно быть»¹². В общем, это риторика преподавателей научного коммунизма. И это тоже не случайно: в России воображаемое обычно опережало реальное.

Строго говоря, всякая «правильная» гражданская политика (не только этимологически, но и по существу) возможна только в урбанизированной социальной среде. В России, в отличие от Запада, городская культура постоянно подавлялась миграционными потоками из сельской местности. По этой причине российский тип администрирования противостоял любым модернизаци-

¹¹ Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе: круглый стол // Российская история. 2012. № 3. С. 46–71.

Modernizatsiya v Rossii i Kitae v sravnitel'noi perspektive: kruglyi stol, Rossiiskaya istoriya, 2012, № 3, S. 46–71.

¹² См. подробнее: Волков Ю. Г. Российская модернизация как путь развития креативного общества. Ростов-н/Д., 2011.

Volkov Yu. G., *Rossiiskaya modernizatsiya kak put' razvitiya kreativnogo obshchestva*, Rostov-n/D., 2011.

онным интенциям. «Политика» концентрировалась вокруг проблемы управления «рураризованной» социальной средой. Власть, будь то самодержавно-патерналистская или псевдодемократическая, всегда воспринималась как самоцель, а не средство достижения инновационности и «эффективности» социального пространства. Российское превдо/представительство и суррогатная многопартийность служили скорее упрочению этатизма, нежели самоорганизации общества. «Демократические» институты и «общественные организации» были и остаются выпрошенными интеллигенцией и работающими вхолостую органами поддержания существующей (как всегда мимикрирующей) системы власти. Отсюда невольная деструктивность *всякой* оппозиции. В таких условиях сама идея модернизации превращается для «народных избранников» в предмет отвлеченной риторики, а не реальных забот.

Следует также учитывать, что российская власть, некогда взвалив на себя бремя патернализма, обречена постоянно подстраиваясь под народные представления о «своей» власти. Это вынуждает государство время от времени имитировать реформы, а не усложнять себе жизнь собственно модернизацией (за исключением «модернизации» самой себя). Ей постоянно приходится выбирать между инновационностью и самосохранением. Последнее, в свою очередь, заставляет консервировать архаику массового сознания и самосознания.

Отсюда постоянные «потемкинские деревни», возводимые властью. Им соответствуют интеллигентские «говорильни» всех уровней – от парламента до кружковых сплетен. В любом случае имитационная демократия способна воспроизводить лишь декоративную «модернизацию». Проблема, однако, в том, что массовое сознание готово всерьез поверить в «эффективное» реформ управления, ибо горизонты его представлений о прогрессе искусственно заужены.

Задача модернизации в России весьма проблематичным образом связана с феноменом взаимопредставлений власти и интеллигенции. Оба контрагента новой русской действительности совершенно по-разному смотрели на характер возможных изменений: для власти они были необходимы для укрепления своего положения в пространстве «застоя», для интеллигенции они мыслились исключительно как средство собственного освобождения от опеки государства. При этом проблема капиталистического прогресса как неперемennого условия не только благосостояния масс, но и укрепления государственности была обозначено лишь в 1890-х гг. (П. Б. Струве), что было историческим запозданием. В результате в России было реанимировано уже устарелое представление о революции как о скорейшем способе достижения прогресса. В свое время прогресс (модернизация) понимались двояко: как возвращение к «повреждённому» идеалу прошлого (в Европе такие представления держались до Великой французской революции) и как решительный разрыв со всем «старым миром». В сущности, в России не ко времени столкнулись эти две утопии. Сомнительно, что из их вынужденного симбиоза (наиболее заметно это стало во времена Сталина) мог получиться действительно инновационный результат.

Следует учитывать, что к началу XX в. в связи с резким уплотнением жизненного пространства и интенсификацией информационных связей идеологическая составляющая в жизни народов приобрела качество былых религиозных «эпидемий». В этих условиях марксизм, будучи адресован массам, все более основательно приобретал элементы мессианских надежд и хилиастических ожиданий, что отнюдь не способствовало избавлению от реликтов патерналистского сознания. Поэтому не случайно, что в России до сих пор преобладает «революционное» понимание реформ как одномоментных акций. Соответственно этому новейшие технологии воспринимаются как своего рода чудодейственное средство, которое само, без креативных людских усилий обеспечивает «прогресс».

В пространстве такой «политики» вовсе не случайно, что в современном массовом сознании Пётр I превратился в главного «модернизатора» России, эстафету от которого принял монархист П. А. Столыпин¹³, и даже практика сталинизма воспринимается в русле «модернизационных» изменений. Строго говоря, само понятие модернизации у нас подверглось психоментальной перверсии. В модернизации видят некое «чудодейственное» средство, а не выход на самостоятельно-инновационный способ существования. Поэтому либеральные доктринеры оказываются зациклены на идее демократии, якобы автоматически решающей (под их просвещенным руководством) все проблемы России, включая модернизацию.

В современной России подобное представление о путях модернизации практически законсервировалось. Одновременно, наряду с сетованиями в адрес государства, не выполняющего своей модернизационной миссии, раздаются и упреки в адрес современных российских элит, якобы уклоняющихся от своих исторических задач. К примеру, звучат заявления о том, что нынешний управленческий аппарат «весьма далек от современных моделей “отзывчивой” бюрократии, но даже от классической веберовской модели рациональной бюрократии»¹⁴. Однако с какой стати ему быть «отзывчивым» на то, в чем он не видит выгоды для себя? Это дает соответствующий социально-психологический эффект. Для историка такие инвективы звучат странно: такого аппарата не могло быть *sui generis*. А между тем было замечено, что один вид растущей беспомощности существующих политических элит подпитывает даже у граждански зрелой публики чувство бессилия, апатии и бессмысленности¹⁵. Увы, российские элиты не могли быть иными.

¹³ См. подробнее: Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 18–37.

Shelokhaev V. V., *Stolypinskii tip modernizatsii Rossii*, Rossiiskaya istoriya, 2012, № 2, S. 18–37.

¹⁴ Гаман-Голутвина О. В. Роль элиты в модернизации страны // Модернизация России как условие успешного развития в XXI веке. М., 2010. С. 21.

Gaman-Goluvina O. V., *Rol' elity v modernizatsii strany*, Modernizatsiya Rossii kak uslovie uspeshnogo razvitiya v XXI veke, M., 2010, S. 21.

¹⁵ Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012. Т. XI. С. 151.

Khabermas Yu., *Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya*, M., 2012, T. XI, S. 151.

Российская вера во власть сформировалась исторически. Но власть – во все не устойчивая сакральная величина. Она отражает «свойства «человеческого материала», это «социальные акции и действия, позволяющие ее участникам изменить природу и характер власти»¹⁶. Если так, то для модернизации в России должно измениться представление о власти.

Существование слоя зависимых людей – всеобщий закон общественного развития на его начальных ступенях. Проблема не в том, чтобы его избежать, а в том, чтобы вовремя от него избавиться. Крепостничество в рыхлой социальной среде совершенно необходимо для поддержания существования государства. Без него слой служилых людей попросту не мог бы существовать.

Другое дело – внутреннее «духовное» наполнение крепостничества: в какой степени оно регулируется законом, в какой освящается верой, в какой мере воздействует на сознание и психику поколений. Всякий прогресс можно представить как способность рационально, без потерь, избавиться от всего «мешающего». На деле исторический опыт подсказывает, что надежнее следовать «преданьям старины», обеспечивающим стабильность. Парадокс истории состоит в том, что до Великой французской революции едва ли не все «модернизационные» изменения в Европе производились во имя возвращения к старому, «нормальному» миропорядку.

Для перелома в сознании требовался социальный слой, который бы на практике доказал, что отказ от устаревшего – благо. В России этот слой (который можно условно назвать протобуржуазным) был заведомо слаб. Его развитие требовало свободного обмена прибавочным продуктом. В России это было затруднительно и в силу недостатка последнего, и по причине отсутствия соответствующего законодательства, не говоря уже о слабостях транспортного сообщения.

Возникновение и последующее разрастание «вездесущей» бюрократии также было явлением неизбежным. В силу слабости самоорганизационных потенциалов и интенций общества, государству, во избежание «своеволия» мест, приходилось навязывать и утверждать «порядок» главным образом сверху. Постепенно это превратилось в систему силового сдерживания всякой «излишней» инициативы. В конечном счёте государственный патернализм оказал парализующее и вместе с тем развращающее влияние на общество, приучив его к «застойному» существованию.

«Перекося» между управлением и самоуправлением стал очевиден, но попытки государства выработать оптимальное (вновь для самого себя) соотношение между управлением и самоуправлением приводили к появлению декоративных городских и земских институтов. Иными они не могли и быть: во второй половине XIX в. самоуправленческие низы были, по преимуществу, материально несамостоятельными. И вся последующая бюрократическая политика вела к упрочению государственно-патерналистских начал. Так или

¹⁶ Розин В. М. *Метаморфозы русского менталитета: Философские этюды*. М., 2011. С. 13.

Rozin V. M., *Metamorfozy russkogo mentaliteta: Filosofskie etyudy*, М., 2011, S. 13.

иначе «патерналистская» государственность со временем стала видеть свою основную задачу в «самообслуживании», в «самомодернизации»¹⁷; но с другой стороны, для большинства населения власть превратилась в своего рода сакральную величину, за которой в любом случае оставалось «последнее слово».

Такая конструкция власти исключает появление настоящих управленцев, обеспечивающих модернизационные процессы. Напротив, в основе ее формирования лежит «номенклатурный» принцип, будь то баскаки или современные назначенцы, «полезные» только своей преданностью нынешнему властителю. Это отнюдь не «менеджеры», а люди, посаженные на «кормление», вплоть до большинства нынешних олигархов. Они призваны обеспечивать стабильность системы, а вовсе не ее «эффективность». Поэтому не удивительно, что коррупция всегда пронизывала систему: оборотной стороной стадного коллективизма является индивидуальное жульничество, ибо люди убеждены, что выгоднее действовать в обход «законов, заточенных под власть», нежели следовать им. Между тем всякое беззаконие – враг поступательного развития. В России об этом было известно по меньшей мере со времен гоголевского «Ревизора», но положение ничуть не меняется.

Совершенно не случайно организационный компонент кризиса российской патерналистско-приказной системы всегда был связан с растущей беспомощностью, а затем и распадом имманентно *несамостоятельных* управленческих структур. Его острота определялась как внешними воздействиями (неумением реагировать на изменившиеся обстоятельства), так и внутренними сдвигами. Люди воспринимают бюрократию, как нечто не просто чуждое, но и враждебное их «естественному» существованию. Организационный развал не случайно оборачивался территориальным распадом державы.

Не случайно, что в годы Первой мировой войны самодержавная власть (настроенная на самосохранение) оказалась неспособна к взаимодействию с представительными учреждениями, включая земство и городские самоуправления, объединенные во всероссийском масштабе и пытавшиеся «помочь» правительству в организации обороны страны. Возникли также нестыковки между гражданским и военным управлением, последовали «губернаторские войны» из-за продовольствия. В конечном счёте финансируемая властью в видах собственной подпорки общественная самодеятельность стала разрушать госструктуры.

Недавний организационный коллапс был связан с крахом псевдо/патерналистской «распределительной экономики», чудовищно деформированной и отягощенной военно-промышленным комплексом. Распад СССР был подготовлен неспособностью центра «накормить» регионы – в них стало складываться представление, что если бы он не изымал сельскохозяйст-

¹⁷ Межуев В. М. Культурные предпосылки российской модернизации // Модернизация России: Информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты. М., 2012. С. 22.

Mezhuev V. M., *Kul'turnye predposylki rossiiskoi modernizatsii*, Modernizatsiya Rossii: Informatsionnyi, ekonomicheskii, politicheskii, sotsiokul'turnyi aspekty, M., 2012, S. 22.

венную продукцию, то они «жили бы при коммунизме». Архаичная политическая система вновь спровоцировала утопию. Последняя одержала очередную пиррову победу.

Историческая психология россиянина применительно к его модернизационным способностям – наиболее сложный вопрос. Совершенно очевидно, что в России сложился несамостоятельный, зависимый тип личности. Такой социальный типаж не привык действовать за пределами привычного социума. В общем, это своего рода «жертва» общинной психологии. При этом русский человек – отнюдь не тот «коллективист», которым его и по сей день изображает официальная пропаганда. Он всего лишь *антиколлективист* и *этатист* (что в совокупности противоположно идеалу гражданственности), ибо признает лишь два типа социальных взаимоотношений: *подавление* и *бунт*. Поскольку в России в ходе спонтанной модернизации давление на личность как со стороны привычного социума («общины»), так и государства (бюрократии) становится невыносимым, накопление элементов взрывоопасного ресентимента становится необратимым. Как результат, основные поведенческие практики *homo rossicus*² все более отдаляются от принципов *согласия ради прогресса*.

Наиболее болезненная часть мировоззренческих установок россиянина связана с тем, что он, подобно доисторическому существу, не видит водоразделов между реальным, воображаемым, символическим. Он по-прежнему живет мифами, легендами, слухами и дарованным (заведомо скудным) достатком. У него нет иммунитета к социально-утопической демагогии, ибо миф противостоит идее изменения, прогресса. *Homo rossicus*, как и в советские времена, пребывает в ожидании «чуда».

Российское государство явно или скрыто, сознательно или бессознательно насаждало идеологию застоя. Соответственно этому народ готов был терпеть только «дающую» власть. В результате в критических обстоятельствах власть теряла сакральный ореол и представляла беспомощной и ненужной. Отсюда склонность к «революционным» прорывам вместо модернизирующей эволюции, тяготение к мифу, который становится основным маркером, ориентирующей человека в окружающем пространстве.

Россиянин по-прежнему сомневается в том, что успех может быть результатом индивидуальных творческих усилий. Очевидно, что российское социальное пространство само по себе не предрасположено к модернизационным изменениям. Как результат, функции «модернизации» всякий раз брало на себя государство, которое в процессе самообслуживания подгоняло под себя «общество». Недаром А. С. Пушкин увидел в нём «единственного европейца» на всю Россию. Отсюда феномен периодических мобилизационных «авралов», практикуемых государством, которые по своей сути противоположны естественной модернизации. Поэтому неудивительно, что в России до сих пор путают мобилизацию с модернизацией, технологизацию с инновационностью, «скачок на месте» с прорывом вперед. «Все беды нашего народа происходят от вьезшегося в нас за всю тяжелую тысячелетнюю

российскую историю холопства», – писал в своё время В. О. Ключевский¹⁸. Наблюдая современную ситуацию, трудно с этим не согласиться.

Исследователи, сравнивая представление о судьбе у русских и французов, приходят к выводу, что в первом случае оно пассивное, во втором – активное, а «целостное и образно разработанное понятие неудачи является специфически русским и не находит аналога во французском языке»¹⁹. Значит ли это, что русский – природный «лузер»? Трудно поверить, ибо оказывается, что он, в отличие от француза, любит опасность, тогда как последний предпочитает страховаться. Наконец, для французов характерно единство рационального и эмоционального, у русских, напротив, чувство отделяется от рационального²⁰. В общем, уместнее допустить, что русский скорее готов поверить в собственную неудачливость, нежели вытеснить подобные интенции из своего сознания.

Но в данном случае важнее другой вопрос – способность россиянина к инновациям в принципе. Можно определенно сказать, что по причине упоминавшейся нерасчлененности реального, воображаемого и символического ему определенно не приходится занимать способности к творчеству. Можно даже сказать, что россиянин «избыточно талантлив» для организационного совершенствования собственной жизнедеятельности. Разумеется, при этом фантазийное будет не случайно преобладать над практическим, а изобретательство над совершенствованием достигнутого.

Ныне массы признают только те «инновационные» подвижки, которые дают моментальные выгоды. Однако расчёт на подобную модернизацию подобен детской вере в чудо.

Едва ли не самым наглядным примером срыва модернизации является ситуация в экономике России в период Первой мировой войны. Предвоенный бюджет базировался на косвенном налогообложении, в особенности акцизов. Жесткий «золотой стандарт» обеспечивал приток иностранных капиталов, а сельскохозяйственный экспорт создавал положительное внешнеторговое сальдо, что использовалось для индустриализации. Но прекращение вывоза хлебов и введение сухого закона изменили финансово-экономическую ситуацию.

На этом фоне поражает оптимизм, с которым часть образованного общества ожидала войну. Ещё в 1894 г. финансист И. С. Блиох утверждал, что потери от неё будут велики лишь в технологически развитых странах в силу свертывания международной торговли. В России же не приходится опасаться

¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987–1990. Т. IX. С. 975.

Klyuchevskii V. O., *Sochineniya*, v 9 t., M., 1987–1990, T. IX, S. 975.

¹⁹ Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М., 2009. С. 104, 125.

Golovanivskaya M. K., *Mental'nost' v zerkale yazyka. Nekotorye bazovye mirovozzrencheskie kontsepty frantsuzov i russkikh*, M., 2009, S. 104, 125.

²⁰ Там же. С. 141, 321.

Ibid, S. 141, 321.

ни особых народных бедствий, ни социализма²¹. Со своей стороны, подполковник Генерального штаба А. Гулевич уверял, что «хозяйственный организм России не может быть поколеблен... бедствиями будущей войны». Ему казалось, что от затянувшейся войны «неразвитая» Россия только выиграет²².

Такие заявления удивительным образом контрастировали с предвоенными заявлениями бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново. Конечно, тот, будучи сторонником прочного союза с Германией, исходил из идеи поддержания стабильности России. Тем не менее, он отлично видел слабости экономики России, её зависимость от иностранной промышленности, прежде всего от Германии, которую, впрочем, следовало сохранять во избежание менее выгодной зависимости от Англии и Франции. Сеть железных дорог была недостаточна, подвижной состав в состоянии обслуживать только нужды мирного времени. А главное, война требует новой техники, а «техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений»²³. Разумеется, записка Дурново было крайне тенденциозна. Но не менее пристрастны были и его оппоненты.

Как бы то ни было, в обществе складывалось легкомысленное отношение к войне, формировались шапкозакладательские настроения. Перед самой войной российский «геополитик» А. Е. Едрихин уверял: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире...». Он считал, что если эти источники «будут организованы соответственно своей массе, у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный – Германия великолепно понимает, что, если ее будущее зависит от ее флота, то существование последнего зависит от русской армии»²⁴. Рождались картины нового мира, гегемоном которого становилась Россия. Композитор А. Н. Скрябин считал, что, поскольку европейская культура «уже сказала свое слово, проснутся Азия и Африка», произойдут «величайшие потрясения», «весь земной шар будет представлять кипящий котел», изнутри «нельзя будет даже ничего понять», но после этого то ли весь мир, то ли одна Россия на короткое время «станут социалистическими»²⁵. Эти грезы вполне соответствовали психоментальности России.

²¹ Блюх И. С. Экономические затруднения в среднеевропейских государствах в случае войны. СПб., 1894. С. 288–289, 314.

Bliokh I. S., *Ekonomicheskie zatrudneniya v sredneevropeiskikh gosudarstvakh v sluchae voyny*, SPb., 1894, S. 288–289, 314.

²² Гулевич А. Война и народное хозяйство. СПб., 1898. С. 179.

Gulevich A., *Voyna i narodnoe khozyaistvo*, SPb., 1898, S. 179.

²³ Дурново П. Н. Записка // Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах эпохи. М., 2014. С. 64.

Durnovo P. N., *Zapiska*, Svet i teni Velikoi voyny. Pervaya mirovaya voyna v dokumentakh epokhi, M., 2014, S. 64.

²⁴ Вандам Е. А. [Едрихин А. Е.] Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 185.

Vandam E. A. [Edrikhin A. E.], *Geopolitika i geostrategiya*, M., 2002, S. 185.

²⁵ Сабанеев Л. Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2003. С. 284–285.

Sabaneev L. L., *Vospominaniya o Skryabine*, M., 2003, S. 284–285.

Перед самой войной появились новые «оптимисты». Известные экономист И.Х. Озеров, выступая 9 июня 1914 г. на Государственном совете, говорил: «Наша промышленность... обставлена массами пут», в результате чего возникает «промышленный маскарад»: русские предприятия регистрируются за границей, так как у нас, чтобы открыть предприятие требуется «6, 9 месяцев или год». В результате товары вывозятся во Францию или Германию, «там иностранцы ставят свой штемпель и к нам их же везут». При этом иностранцы опасаются вести дела в России из-за множества ограничений. Всей своей деятельностью бюрократия «наносит тяжелый удар русским производительным силам». «На Западе совершенствуются технологии, идет интеграция промышленности», в Англии «подходящий налог дает 400-450 млн поступлений в бюджет, наследственный – 250 млн.; у нас наследственный – 12–13 млн, подоходный – 0, т. к. его нет». В России бюджет пополняется за счет питейных сборов, налогов на сахар, таможенных ставок. Между тем предстоят «крупные расходы на государственную оборону и культурные потребности». Если промышленность не избавится от бюрократических пут, «если мы не дадим свободы творчества русскому населению, то мы производительных сил у нас не разовьем». Озеров призывал «направить нашу молодежь в экономическое творчество, в промышленную жизнь»²⁶. К тому времени протесты против бюрократии стали всеобщими. «Россия должна очистить Авгиевы конюшни бюрократизма», избавиться от взяточничества и административной волокиты, заявляли еще в 1907 г. правые деятели²⁷.

Но вряд ли это было возможно в силу слабости общественной самоорганизации. Разумеется, с началом войны либеральная общественность встрепенулась, однако Земский и Городской союзы, в значительной степени существующие на правительственные субсидии, залатать прорехи народного хозяйства не могли. В сущности, проблема «возрождения» экономики России, о которой заговорили все, могла быть решена путём соединения теории с практикой. По уровню развития фундаментальной науки Россия не отставала от Запада. В январе 1915 г. В. И. Вернадский выступил с предложением о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС), призывая к мобилизации ученых-естественников и даже гуманитариев, по примеру инженеров, химиков, врачей и бактериологов, для работы на нужды обороны²⁸. Но проделать это оперативно вряд ли было возможно.

Многие связывали слабость российской промышленности с «немецким засильем»²⁹. На деле внутреннее производство было настолько несба-

²⁶ Озеров И. Х. На Новый путь! К экономическому освобождению России. М., 1915. С. 286–291.

Ozerov I. Kh., *Na Novyi put'! K ekonomicheskomu osvobozhdeniyu Rossii*, М., 1915, S. 286–291.

²⁷ Карцов Ю. Революция сверху. СПб., 1907. С. 3.

Kartsov Yu., *Revolutsiya sverkhу*, SPb., 1907, S. 3.

²⁸ Вернадский В. И. Очерки и речи: в 2-х т. Пг., 1922. Т. 1. С. 131–132, 5.

Vernadskii V. I., *Ocherki i rechi v 2-kh t.*, Pg., 1922, T. 1, S. 131–132, 5.

²⁹ Дурново П. Н. Указ. соч. С. 64.

Durnovo P. N., *Op. cit.*, S. 64.

лансированным, что изоляции российская экономика не выдерживала. В августе 1914 г. российские предпринимателей признали, что зависимость от промышленно-технологического импорта грозит обернуться остановкой производства³⁰. В правительственных верхах нарастала паника. «Входим в сумасшедший дом», – заявлял А. В. Кривошеин в сентябре 1915 г. Другие министры отмечали «хаос на железных дорогах», констатируя, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов»³¹. Неспособность разобраться в реальной ситуации породила истерию борьбы против «внутреннего немца», которая еще более усложнила положение в народном хозяйстве. В полной мере сказались и слабости системы управления, усугубленные подчинением прифронтовых губерний военным властям. Всякая патерналистская система тяготеет к использованию «методов» запрета, а на поощрения. В экстремальных условиях это было чревато катастрофой.

Уже к осени 1914 г. обнаружилась нехватка винтовок. Пришлось прибегнуть к поставкам. В конечном счёте в России было произведено менее половины необходимых для армии винтовок, остальные (10 различных систем) были французского, японского, американского и даже итальянского происхождения³². Пулемётов нехватало ещё сильнее: их производить мог только Тульский завод. (В Германии увеличение выпуска пулеметов было достигнуто за счёт размещения заказов на мелких предприятиях; в России это было невозможно из-за технологической отсталости). Лишь потратив более 300 млн руб. на иностранные автомобили, было решено развивать отечественное их производство³³. Однако зависимость от импорта усиливалась. «Окончательно отдаёмся в руки добрых союзников, – иронизировали в Совете министров в марте 1916 г. – Переходим из огня в полымя, из немецкого засилья экономического в английское»³⁴.

Всё болезненнее ощущалась слабость инфраструктуры. Уже в ноябре 1914 г. отмечали, что на железных дорогах творится «настоящий грабёж», «развито взяточничество с поставщиков со стороны железнодорожных служащих», «воровство пересылаемых вещей»³⁵. А 21 декабря 1916 г.

³⁰ Новорусский М. В. Война и новые отрасли русской промышленности // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 466–468.

Novoruskii M. V., *Voina i novye otrasli russkoi promyshlennosti*, Voprosy mirovoi voiny, Pg., 1915, S. 466–468.

³¹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 271–272, 277, 284.

Sovet ministrov Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny. Bumagi A. N. Yakhontova, SPb., 1999, S. 271–272, 277, 284.

³² Марков О. Д. Русская армия, 1914–1917 гг. СПб., 2001. С. 247.

Markov O. D., *Russkaya armiya, 1914–1917 gg.*, SPb., 2001, S. 247.

³³ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 248.

Manikovskii A. A., *Op. cit.*, S. 248.

³⁴ Совет министров... С. 325.

Sovet ministrov..., S. 325.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 47.

А. В. Кривошеину руководитель оборонного предприятия (20 тыс. рабочих) писал из Перми: «Здесь на Урале, который... дает почти треть государственной обороны... и половина не делается того, что должно быть сделано... Нет предвидения...». В результате, отмечал он, возник «паралич перевозок»: «рожь и пшеница не доходят до мельниц... горючее не попадает к домне...». Автор письма считал, что всё это вызвано «чрезмерной централизацией распоряжений»³⁶.

Война требовала не просто наращивания вооружений. Даже в технологически передовой Германии в 1916 г. ощутили, что война перешла в новую стадию, «фронт превратился в пылающий котёл, который нужно было поддерживать в рабочем состоянии», однако разработка вооружений все еще «отставала от технического прогресса»³⁷. В России, напротив, предприниматели рекламировали увеличение примитивного «вала».

К 1917 г. стало очевидно, что сказывается врожденный порок государственной производственно-распределительной политики. Несмотря на то что хлеба в стране было достаточно, города оказались на грани голода. А там, где продовольствия было достаточно, ощущалась нехватка сахара и керосина³⁸. Продуктообмен между городом и деревней был окончательно разрушен.

В российских верхах не замечали, что империи выгоднее обороняться, ибо она по-прежнему не располагает новейшими наступательными видами вооружений. Бюрократы, как всегда, упивались магией валовых показателей, «ведомственное мышление» противостояло системной оценке ситуации. А тем временем народ устал от тягот войны и окончательно разуверился во власти.

Временное правительство ожидала та же участь. Характерно, что некоторые высокие снабженцы заявляли, что «начало революции было концом успешной работы по снабжению армии»³⁹. При ближайшем рассмотрении оказывается, что главная причина «нездоровья» российской экономики в ее внутренней несбалансированности и слабости инфраструктуры. Как результат, правительство попросту перестало управлять экономикой, а занялось выпрашиванием все новых и новых кредитов у союзников для закупки буквально всего. В этих обстоятельствах участие России в мировом конфликте становилось для нее губительным.

К началу XX в. эпоха Просвещения приблизилась к пику самодовольства. Война представлялась выходом в метаисторию Прогресса. Расплата

State Archive of the Russian Federation (GA RF), F. 102, Op. 265, D. 979, L. 47.

³⁶ Там же. Д. 1067. Л. 1736.

Ibid, D. 1067, L. 1736.

³⁷ Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи, 1923–1933. М., 2008. С. 34.

Yunger E., *Natsionalisticheskaya revolyutsiya. Politicheskie stat'i, 1923–1933*, М., 2008, S. 34.

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1081.

GA RF, F. 102, Op. 265, D. 1060, L. 1081.

³⁹ Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 128.

Ibid, F. 5881, Op. 2, D. 110, L. 128.

была неизбежной. Только после полосы войн и революций исследователи стали отмечать, что быстрый и неупорядоченный экономический рост является социально дестабилизирующей силой⁴⁰.

Из этого следует, что предстоит поменять *этос*, а равно и концепт модернизации. Но возможно ли это в современной России?

Некоторые исследователи отмечают, что наиболее важным фактором, «тянущим» модернизацию вниз, являются неэффективность работы представительных институтов и падение доверия им населения. Более того, «процессы модернизации блокируются центральными, символическими институтами социальной системы»⁴¹. Но дело не только в этом. Несмотря на свои несомненные инновационные возможности, россиянин психологически и организационно не готов к подлинной модернизации. Исследователи отмечают, что 75 лет антирыночной и антибуржуазной пропаганды насадили крайне враждебное отношение к частной инициативе в России. Люди «опасаются неопределенностей рынка и уповают на скуку государственного попечения»⁴². Некоторые авторы в связи с этим указывают на сложившийся, наряду с генетическим, поведенческий «социокод» россиянина, который и препятствует торжеству рыночной экономики⁴³. Но кто его изменит?

С какой же стороны подходить к самой возможности модернизации в России? Некоторые авторы, не мудрствуя, ставят знак равенства между модернизацией и «ловкой» финансовой политикой⁴⁴. И лишь немногие справедливо отмечают, что «для запуска реальной модернизации необходимо вовлечение в неё общества с помощью демократических механизмов»⁴⁵. А в нынешних условиях это по-прежнему предполагает самоограничение государства. Остаётся дождаться, когда оно придёт к этой спасительной мысли.

Впрочем, всё это в прошлом. Поток литературы о российской модернизации прекратился словно по команде. С чем это связано? Вероятно, с тем, что тема перестала быть востребованной.

⁴⁰ Olson M. Rapid Growth as Destabilizing Force // The Journal of Economic History. 1963. Vol. 23. No 4. P. 529–552.

⁴¹ Гудков Л. Д. Указ. соч. С. 410.

Gudkov L. D., *Op. cit.*, S. 410.

⁴² Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. М., 2002. С. 40.

Landes D., *Kul'tura ob"yasnyayet pochti vse*, Kul'tura imeet znachenie, М., 2002, S. 40.

⁴³ Степин В. С. Российская ментальность и рыночные реформы // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 145.

Stepin V. S., *Rossiiskaya mental'nost' i rynochnye reformy*, Ekonomika i obshchestvennaya sreda: neosoznanное vzaimovliyanie, М., 2008, S. 145.

⁴⁴ См. подробнее: Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М., 2011.

Travin D., Marganiya O., *Modernizatsiya: ot Elizavety Tyudor do Egora Gaidara*, М., 2011.

⁴⁵ Гринберг Р. С. Контуры новой экономики: мировые тенденции и российская специфика // Модернизация России как условие успешного развития в XXI веке. М., 2010. С. 177.

Grinberg R. S., *Kontury novoi ekonomiki: mirovye tendentsii i rossiiskaya spetsifika*, Modernizatsiya Rossii kak uslovie uspeshnogo razvitiya v XXI veke, М., 2010, S. 177.

Список литературы:

1. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. – 144 с.
2. Вандам Е. А. [Едрихин А. Е.] Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. С. 185. – 269 с.
3. Васильев Л. С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 184 с.
4. Волков Ю. Г. Российская модернизация как путь развития креативного общества. Ростов-н/Д.: Антей, 2011. – 34 с.
5. Гаман-Голутвина О. В. Роль элиты в модернизации страны // Модернизация России как условие успешного развития в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2010. – 317 с.
6. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. – 372 с.
7. Гринберг Р. С. Контуры новой экономики: мировые тенденции и российская специфика // Модернизация России как условие успешного развития в XXI веке / отв. ред. А. Н. Аринин. М.: РОССПЭН, 2010. С. 174–177.
8. Гудков Л. Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011. – 629 с.
9. Керов В. В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-Информ, 2004. – 658 с.
10. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М.: Наука, 1977. – 432 с.
11. Модернизация в России и Китае в сравнительной перспективе: круглый стол // Российская история. 2012. № 3. С. 46–71.
12. Ландес Д. Культура объясняет почти все // Харрисон Л., Хантингтон С. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 315 с.
13. Межуев В. М. Культурные предпосылки российской модернизации // Модернизация России: Информационный, экономический, политический, социокультурный аспекты. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. 2012. – 382 с.
14. Нефедов С. А. Первые шаги по пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.
15. Розин В. М. Метаморфозы русского менталитета: Философские этюды. М.: URSS, 2011. – 159 с.
16. Степин В. С. Российская ментальность и рыночные реформы // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 439 с.
17. Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 764 с.

18. *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. – 155 с.
19. *Харрисон Л., Хантингтон С.* Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 315 с.
20. *Шелохаев В. В.* Столыпинский тип модернизации России // *Российская история.* 2012. № 2. С. 18–37.
21. *Hagen E. E.* On the theory of Social Change: How Economic Growth Begins. Homewood: Dorsey Press, 1962. – 557 p.
22. *Murakami Ya.* Modernization in Term of Integration: the Case of Japan // *Eisenstadt S. N. (ed.) Patterns of Modernity.* N.Y.: New York University Press. 1987. V. 2: Beyond the West. – 233 p.
23. *McLelland D. C.* The Achieving Society. NY: Free Press, 1968. – 512 p.
24. *Olson M.* Rapid Growth as Destabilizing Force // *The Journal of Economic History.* 1963. V. 23, No 4. P. 529–552.
25. *Sjoberg G.* Folk and “Feudal” Societies // *Political Development and Social Change* / Ed. by J. L. Finkle and R. W. Gable. N.Y., L.: Wiley, 1966. – 685 p.

MODERNIZATION IN RUSSIA: THE WEIGHTS ON THE FOOTS OF PROGRESS

V. P. Buldakov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History, *Moscow, Russia*

The Tver’ State University, the Dept of Russian History, *Tver’, Russia*

The author analyzes the reasons why all the historical attempts of modernization in Russia ended in failure. It is shown that the paternalistic foundations of the Russian economy suggests a stagnant type of isolated economic existence. However, the external threat periodically forced the Russian state to master Western technology. This of non-natural type of management give only short-term effect. So the state had to use to mobilization efforts. It does not take into account that real modernization implies high priority to social rather than economic sphere. For the success of the modernization is necessary to develop innovative type of social consciousness, as opposed to paternalism gravity.

Keywords: *Russia, overtaking development, modernization, innovation, stagnation, mobilization.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, институт Российской истории, Российская академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19); почётный профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный

университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: kuroneko@list.ru

About the authors:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19); The Doctor of History, The Honorary Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kuroneko@list.ru

References:

- Bessonova O. E., *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez trans-formatsii*, M., ROSSPEN, 2006. 144 s.
- Vandam E. A. [Edrikhin A. E.], *Geopolitika i geostrategiya*, M., Kuchkovo pole, 2002, S. 185. 269 s.
- Vasil'ev L. S., *Modernizatsiya kak istoricheskii fenomen (o general'nykh zakonomernostyakh evolyutsii)*, M., Fond «Liberal'naya missiya», 2011. 184 s.
- Volkov Yu. G., *Rossiiskaya modernizatsiya kak put' razvitiya kreativnogo obshchestva*, Rostov-n/D., Antei, 2011. 34 s.
- Gaman-Golutvina O. V., *Rol' elity v modernizatsii strany*, *Modernizatsiya Rossii kak uslovie uspehnogo razvitiya v XXI veke*, M., ROSSPEN, 2010. 317 s.
- Golovanivskaya M. K., *Mental'nost' v zerkale yazyka. Nekotorye bazovye mirovozzrencheskie kontsepty frantsuzov i russkikh*, M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 372 s.
- Grinberg R. S., *Kontury novoi ekonomiki: mirovye tendentsii i ros-siiskaya spetsifika*, *Modernizatsiya Rossii kak uslovie uspehnogo razvitiya v XXI veke*, otv. red. A. N. Arinin, M., ROSSPEN, 2010, S. 174–177.
- Gudkov L. D., *Abortivnaya modernizatsiya*, M., ROSSPEN, 2011. 629 s.
- Kerov V. V., «*Se chelovek i delo ego...*». *Konfessional'no-eticheskie faktory starobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii*, M., Ekon-Inform, 2004. 658 s.
- Klibanov A. I., *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii*, M., Nauka, 1977. 432 s.
- Landes D., *Kul'tura ob'yasnyayet pochni vse*, Kharrison L., Khantington S., *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu*, M., Moskovskaya shkola politicheskikh is-sledovaniy, 2002. 315 s.
- Mezhuev V. M., *Kul'turnye predposylki rossiiskoi modernizatsii*, *Modernizatsiya Rossii: Informatsionnyi, ekonomicheskii, politicheskii, sotsiokul'turnyi aspekty*, M., Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2012. 382 s.

- Nefedov S. A., *Pervye shagi po puti modernizatsii Rossii: reformy serediny XVII veka*, *Voprosy istorii*, 2004, № 4, S. 33–52.
- Rozin V. M., *Metamorfozy russkogo mentaliteta: Filosofskie etyudy*, M., URSS, 2011. 159 с.
- Stepin V. S., *Rossiiskaya mental'nost' i rynochnye reform*, *Ekonomika i obshchestvennaya sreda: neosoznanoe vzaimovliyanie*, M., Institut ekonomicheskikh strategii, 2008. 439 s.
- Travin D., Marganiya O., *Modernizatsiya: ot Elizavety Tyudor do Egora Gaidara*, M., AST, Astrel', 2011. 764 s.
- Khabermas Yu., *Akh, Evropa. Nebol'shie politicheskie sochineniya, XI*, M., Ves' mir, 2012. 155 s.
- Kharrison L., Khantington S., *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu*, M., Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002. 315 s.
- Shelokhaev V. V., *Stolypinskii tip modernizatsii Rossii*, *Rossiiskaya istoriya*, 2012, № 2, S. 18–37.

Статья поступила в редакцию 24.08.2016 г.